

ИСТОРИЯ ОБРЯДОВЫХ ТРАДИЦИЙ

УДК 39 (393.05)
ББК 63.59

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ЧУВАШЕЙ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ (БАССЕЙНА р. СОК): ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА ЯГАФОВА, АННА ИВАНОВНА ИВАНОВА

(Самарский государственный социально-педагогический университет:
Российская Федерация, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 59)

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности современной похоронно-поминальной обрядности чувашей Самарского Заволжья (бассейна р. Сок). Актуальность исследования обусловлена тем, что в этнологии чувашей до настоящего время отсутствуют системные и детальные исследования похоронно-поминальных комплексов, в том числе в аспекте сохранения в них традиционных, так называемых «языческих» воззрений и обрядности, характеристики современных религиозных практик чувашей. В статье выявлены элементы языческого культа, показано влияние православных обычаев на формирование структуры и содержания обрядов. Языческая традиция проявляет себя на всех этапах подготовки покойного к погребению, в поминальных обрядах, в представлениях о смерти и магии предметов, используемых в ритуалах. Отход от традиций связан либо с утратой представлений о производимых действиях, либо с намеренным отказом от действий. Влияние православных норм проявляется в участии священнослужителей в ряде ритуалов, в присутствии христианских атрибутов погребения, чтении Псалтири, молитв, поминальной еде. Изменение уклада жизни местных чувашей в XX — начале XXI в., вызванное техническим прогрессом и социально-экономическими преобразованиями в обществе, повлияло на различные составляющие похоронно-поминальной обрядности — сроки поминальных ритуалов, обрядовую атрибутику, а также на религиозные представления и религиозный опыт участников обряда.*

***Ключевые слова:** чувашаи, похоронно-поминальная обрядность, ритуал.*

Похоронно-поминальные обряды принадлежат к фундаментальным основам культуры каждого народа. В соответствии с классификацией обрядовой культуры они относятся к семейной обрядности [Токарев 1983, 194–202] или обрядам перехода [Геннеп 1999, 7–18], образуя один из его блоков. Связь с одним из значимых моментов в судьбе человека, его смертью, обусловила консерватизм элементов, нередко восходящих у ныне православных народов к дохристианским верованиям [Токарев 1983, 201].

Похоронно-поминальный комплекс чувашей, исповедующих в большинстве своем православие, представляет интерес с точки зрения сохранения в нем традиционных, так называемых «языческих» воззрений и обрядности. Как показывает опыт исследования современных религиозных практик чувашей, традиционные верования и культы бытуют не только среди некрещеных чувашей, но и православного большинства и ярче всего проявляются в похоронно-поминальной обрядности [Ягафова 2007 а, 83–96].

Значимость настоящей работы для чувашской этнографии обусловлена отсутствием специальных научных исследований по похоронно-поминальной обрядности и ее эволюции, ограниченным характером представления данной темы в рамках других тем. Как справедливо отмечает А. К. Салмин, касаясь похоронно-поминальных обычаев и обрядов, до настоящего времени «отсутствуют системные и логически последовательные исследования, из которых можно было бы получить цельное представление о теме» [Салмин 2007, 281]. В историографии похоронно-поминальных обычаев и обрядов чувашей заметен вклад ученых и краеведов XVIII — первой половины XX в.: П. С. Палласа [Паллас 1773], И. Г. Георги [Георги 1795], В. А. Сбоева [Сбоев 2004], А. Фукса [Фукс 1840], В. К. Магницкого [Магницкий 1881], С. М. Михайлова [Михайлов 1972], К. П. Прокопьева [Прокопьев 1903], Д. Месароша [Месарош 2000], С. И. Руденко [Руденко 1910], Г. И. Комиссарова [Комиссаров 1911], Н. В. Никольского [Никольский 1919] и др. В их публикациях с той или иной степенью детализации описаны языческие представления о другом мире, погребальные обряды и поминальные ритуалы чувашей.

Обычаям и обрядам чувашей бассейна р. Сок посвящены две работы этого времени: статья В. Скворцова «Очерк христианского просвещения чуваш в приходе села Ново-Якушкина, Бугурусланского уезда (к 40-летию прихода)» [Скворцов 1905] и монография известного финского ученого Х. Паасонена [Paasonen 1949]. В «Очерке...» отражены особенности конфессиональной ситуации в некоторых селениях рассматриваемого ареала во второй половине XIX — начале XX в., а в монографии представлено детальное описание похоронно-поминальной обрядности некрещенных чувашей данного ареала [Там же, 70–92]. В 1900 г. Х. Паасонен в течение трех месяцев собирал материалы об обычаях чувашей-язычников в с. Новое Якушкино Бугурусланского уезда Самарской губ. (ныне — с. Новое Якушкино Иса克林ского р-на Самарской обл.), которые и легли в основу его работы [Данилов, Данилова 2016]. Сведения из нее, наряду с полевыми материалами авторов, были использованы в качестве источников настоящего исследования.

Во второй половине XX — начале XXI в. определенную лепту в изучение темы внесли П. В. Денисов [1959], В. Ф. Каховский [1979], Б. В. Каховский [1978], А. К. Салмин [1994, 2007]. Некоторые вопросы темы освещались в коллективных монографиях об этнотерриториальных группах чувашей [Симбирско-саратовские чуваш 2004; Чувашы Присвьяжья 2015], а также в работах Е. А. Ягафовой [1998, 2007 а, б]. Данная статья призвана частично восполнить пробелы, существующие в изучении похоронно-поминальной обрядности чувашей.

В ней рассматриваются похоронно-поминальные обычаи и ритуалы чувашей, проживающих в среднем течении р. Сок, на территории современного Иса克林ского р-на Самарской обл. (отсюда и название этой локальной группы — иса克林ские чуваше). В настоящее время здесь насчитывается около 20 чувашских сел (Большое Микушкино, Саперкино, Убейкино, Новое Ганькино, Новое Якушкино, Самсоновка), деревень (Малое Микушкино, Два Ключа, Ганькин Матак, Новый Шунгут, Старый Шунгут, Сухарь Матак) и поселков (Лесной, Зеленый и др.). Большинство из них было основано в середине XVIII — первой половине XIX в. [Ягафова 1998, 63–82].

Религиозные традиции местных чувашей на протяжении столетий определялись конфессиональной ситуацией в указанных селениях. Христианизация началась в них во второй половине XVIII в., но до рубежа XIX—XX вв. не имела особых успехов. В немалой степени этому способствовало существование общин чувашей-язычников в ряде указанных селений и округе. В начале XX в. некрещенные чуваше проживали в селах Старое Якушкино, Новое Якушкино, Новое Ганькино. В 1907 г. численность их в этих селениях составляла 18, 105 и 47 человек соответственно [Отчет 1908, 3]. Во всех селениях имелись отдельные языческие кладбища. Несмотря на открытие православного прихода и строительство церкви в с. Новое Якушкино в 1864 г., даже православные чуваше продолжали совершать языческие обряды до конца XIX в. [Скворцов 1903, 60–62]. Но до середины XX в. немногочисленная община чувашей-язычников сохранялась только в Новом Якушкине, а в конце 1980-х гг. и она прекратила свое существование.

Пелагея Петровна Ятманова, 1930 г. р., и Мария Алексеевна Моськина, 1925 г. р., с. Малое Микушкино Иса-
клинского р-на Самарской обл. Фото Е. А. Ягафовой. 1999 г.

*Pelageya Petrovna Yatmanova, born 1930, and Mariya Alekseevna Mos'kina, born 1925, Maloe Mikushkino village,
Isakly district, Samara region. Photo by E. A. Yagafova. 1999*

Целью статьи стало выявление особенностей похоронно-поминальных обычаев и обрядов чувашей бассейна р. Сок, а задачей — характеристика основных элементов обрядности, верований, связанных с обычаем похорон и поминок человека. Особое внимание уделено определению связи элементов обрядности с языческой или же православной традицией. В основу статьи легли полевые материалы авторов, собранные в 1999 г. [АПМЯ 1999] и в 2016 г. [АПМИ, АПМЯ 2016]. Семнадцатилетний временной отрезок в зафиксированных данных позволил проследить изменения в обрядности за этот период, осмыслить факторы этих изменений.

Действия, связанные с предсмертным состоянием человека и в момент смерти, с одеванием покойного и положением его в гроб

Действия, связанные с предсмертным состоянием человека и в момент смерти, предусматривают следующее: у изголовья ставят воду в стакане, чтобы душа умершего могла очиститься в воде; ее впоследствии выливают в *чистое место*. В отдельных случаях покойного окропляют святой водой. Православные чуваша уделяют большое внимание предсмертному причастию и прощению грехов, для чего приглашают домой священника. Во время причастия в руки покойного вкладывают крест

и зажженную свечу, чтобы в таком виде покойный предстал в ином мире перед Богом (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

Первоначальным этапом подготовки усопшего к похоронам является обмывание. Для этого покойного сажают на стул, ноги опускают в ванну. Сейчас воду приносят из колонки, хотя в недавнем прошлом, в 1970–1980-х гг., ходили к колодцу. Мужчину обмывают мужчины, а женщину — женщины (этот обычай был зафиксирован еще Х. Паасоненом [Paasonen 1949, 70]), за исключением близких родственников, которых не допускают к процедуре. Моют мочалкой или тряпкой с мылом. Исползованную воду выливают снаружи дома в такое место, где люди обычно не ходят: в угол божницы (*тур кётессине*) или у воротного столба (*хапха тайсине*). Считается, что этой водой, так же как и тряпками, использованными при обмывании, можно нанести порчу. Поэтому тряпки выбрасывают или сжигают при топке бани на следующий день, а мылом моются в бане члены семьи. Людям, участвовавшим в обмывании усопшего, дарят платки [АПМЯ 2016].

Одевают покойного в его же одежду, соблюдая при этом следующие правила: одежда должна быть стираной (нельзя надевать новые вещи), предпочтительно светлых тонов или телесного цвета, но не белого, с длинными рукавами.

Обувают покойного в чулки и тапочки (ботинки не рекомендуются), на голову женщинам повязывают платки. Если женщина при жизни носила чувашские платья, то стараются похоронить в одном из них. Крещеных хоронят в подвенечных нарядах, если они есть (Зап. от А. С. Сидоровой) [АПМИ]. Обычай надевать на руки варежки и закладывать уши и глаза шелковыми нитками, а в рот класть кораллы, описанного Х. Паасоненом, не сохранилось [Paasonen 1949, 70].

Одежду, в которой человек умер, нужно, по поверью, собрать, упаковать не стирая, и повесить на чердаке. Считается, что эти вещи охраняют дом от воров. По другим данным, смертную одежду сжигают, а вещи покойного раздают нуждающимся (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

По окончании обмывания и обряжения руки и ноги покойного завязывают и развязывают их лишь перед похоронами, а завязки кладут в гроб (Зап. от М. Д. Разеевой) [АПМЯ 1999].

Следующий этап подготовки к похоронам — укладывание усопшего гроб. До этого момента покойный лежит на широкой лавке. В гроб стелют веники, а поверх — простыню, белое полотнище, подушку набивают чабрецом (*тяпър курăк*, *латун курăк*). На наволочку нашивают кресты из черного сатина: в одних селениях 3 креста (один посередине и 2 по бокам), в других — только один крест посередине. Когда шьют, нитки не завязывают в узелки. При укладывании тело обкуривают ладаном. Сверху его накрывают тюлем или белым материалом, привезенным из церкви, и покрывалом; во время похорон тюль опускают в могилу, а покрывало забирают. На лоб покойного кладут полоску — венчик, в руки — разрешительную молитву; оба предмета приобретают в церкви.

Гроб и крест еще в 1990-х гг. изготавливали дома или в колхозных мастерских. Гроб обшивали белой материей. Кресты рубили для мужчин из дуба, для женщин — из липы. Различение пород дерева при рубке православных крестов было перенесено с обычая изготовления поминальных столбов *юпа* некрещеных чувашей [Paasonen 1949, 73]. Гроб рубили, как правило, из березы или ели, но ни в коем случае из осины. Стружки от гроба следовало класть в гроб, поскольку они в сознании чувашей ассоциировались с костями самого покойного

(*шăмми-шаккисене пустарать*), а оставшиеся, как и стружки от креста, сжигали в банной печи (баню топят сразу после похорон) до поминок 40-го дня, что является старинным обычаем. В настоящее время гроб и крест заказывают в агентствах ритуальных услуг в ближайших районных центрах и поселках (сс. Исаклы, Сергиевск и др.) или в городах (Самара, Тольятти и др.). Крест заказывают деревянный из липы или металлический, отказываясь от тяжелых дубовых крестов, поскольку, по местным поверьям, покойному приходится после смерти тащить этот крест на гору Арарат. В то же время у части местных чувашей существует предубеждение относительно железных крестов, которые не соответствует чувашской традиции (Зап. от М. Д. Разеевой) [АПМЯ 1999]; [АПМЯ 2016].

Покойный остается в доме две ночи. Все это время женщины читают Псалтирь (следует прочесть как минимум один раз от начала до конца) и готовят поминальный обед. Считается, что псалмы приобретают большую силу в том случае, если Псалтирь читается на чувашском языке (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ]. Таким образом, традиционные чувашские причитания *Пехиль ту...* (Благослови...), практиковавшиеся в начале XX в. [Paasonen 1949, 71–72], вытеснены элементами православного культа.

Похороны: вынос из дома, погребение

Гроб выносят после обеда около двух часов пополудни, а зимой даже раньше, так как рано темнеет. В 1990-е годы, если хоронили женщину, то гроб выносили также женщины, если девушку — девушки, если мужчину — то мужчины. В настоящее время этот обычай не всегда соблюдается. На том месте, где стоял гроб, оставляют железный предмет — нож, подпилоч или топор, а стул, на котором стоял гроб, опрокидывают. При прохождении через двери, по одним данным, следует обязательно коснуться гробом косяков, по другим — этого не следует делать. Вынесенный гроб устанавливают во дворе, и там прощаются те, кто остается дома. При этом целуют покойника и икону, которая лежит поверх тела. Следует также дотронуться до ног покойного и попросить его не пугать живых. По поверьям, в это время покойный также прощается с домом. Оставшиеся

в доме моют полы от двери к кухне, накрывают на стол (Зап. от Н. Ф. Васильева, А. А. Мельниковой) [АПМЯ 1999]; (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

На кладбище идут обычно одним и тем же путем. По дороге останавливаются на перекрестках дорог, возле домов родственников и у родника — в 5-6 местах, при этом гроб ставят на стулья, которые несут с собой из дома. Для переноса гроба используют либо носилки, которые затем оставляют на кладбище, либо длинные льняные полотна, с помощью которых опускают гроб в могилу; после похорон их разрезают и раздают носильщикам.

Существует определенный порядок похоронной процессии. Идущий впереди процессии несет в миске или свертке *вил сын парни* (дар покойного) — пряники, блины, хлеб, суровые нитки, монетки, которые отдают первому встречному, и тот должен все угощения съесть, остальное забрать с собой. При отсутствии встречного свертки привязывают к столбу на дороге. Если у усопшего имелись ордена или другие награды, то их тоже несут впереди, обычно дети. За ними несут венки, крышку гроба, гроб, затем идут близкие родственники, а замыкают процессию остальные участники похорон. По пути на кладбище и внутри него участники обряда поют «Святый Боже...» (Зап. от Н. М. Савельевой, П. П. Ятманкиной, А. А. Мельниковой) [АПМЯ 1999]; (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ]; [АПМЯ 2016].

Могилу роют в день похорон родственники (кроме самых близких) и знакомые покойного. Начиная рыть могилу, тремя нитями отмечают на земле треугольник, вырезают его и откладывают в сторону; при закапывании могилы этот кусочек крошат и по горстям бросают в могилу (ритуал описан и Х. Паасоненом [Raasonen 1949, 73]). Затем поминают принесенной едой главу кладбища¹, приговаривая: «*Сул усса пар пире чавма*» («Открой нам путь для рытья»). Считается, что без этого землю будет трудно копать. По окончании рытья могилы кто-либо из присутствующих идет в дом покойного и сообщает об этом. Могильщиков обычно кормят обедом, угощают спиртным и одаривают

полотенцами. В это время в доме совершается панихида (Зап. от М. Д. Разеевой) [АПМЯ 1999].

Перед входом на кладбище православные чуваша обязательно крестятся. В Самсоновке говорят обычно: «*Ханана килтёмёр, масар пуслăхё, йышан*» («Пришли в гости, глава кладбища, прими») (Зап. от А. А. Мельниковой) [АПМЯ 1999]. Крестятся и после похорон при выходе с кладбища, и прощаясь.

На кладбище родственники обращаются к покойным: «*Простите нас, мы будем о вас помнить, а вы нас берегите*» (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ]. Гроб закрывают крышкой и заколачивают гвоздями. Матицу в могильной яме не стелют, объясняя это тем, что земля может опуститься, когда доски сгниют. Перед тем как опустить гроб в могилу, туда бросают монетки серебристого цвета *сёр укци*, чтобы земля приняла тело и чтобы пребывание покойного на том свете освещалось светом металла (*кун-сулё суталса татёр*). В Самсоновке их кладут в гроб, и именно такой способ описывал в свое время Х. Паасонен: «Гроб опускают в могилу с помощью сурпанов², где затем приоткрывают крышку и кладут серебряную монету со словами: вот тебе “свет земли”, он будет тебе освещать!» [Raasonen 1949, 72]. При этом обычая рисовать на крышке гроба дверцу, а на стенках окна, как и класть в гроб к покойному хозяйственный инвентарь, не сохранилось [Там же, 72–73]. Для православных чувашей сегодня обязательным является освящение могилы священником. Опустив гроб с телом, все присутствующие бросают в могилу по три горсти земли, приговаривая: «*Йавар тӑпри сӑмӑл пултӑр!*» (дословно: «Пусть земля будет легкой!»; фраза зафиксирована Х. Паасоненом [Raasonen 1949, 73]). Затем могилу зарывают лопатами, утрамбовывают, а поверх укладывают носилки. На могиле в ногах покойного православные чуваша ставят крест, который, по убеждению чувашей, показывает, что тело в земле, а душа в небе. Если на могиле ставят оградку, то дверцу оставляют открытой для того, чтобы душа могла «выходить» (Зап. от А. А. Мельниковой) [АПМЯ 1999]; (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

¹ Главой кладбища называют первого похороненного на данном кладбище покойника.

² *Сурпан* — полотенцеобразный головной убор женщины; в данной местности женщины достигали в длину 2,8 м.

В 1990-е гг. после погребения на могиле устраивали трапезу принесенными блинами и пивом (обычай зафиксирован Х. Паасоненом [Paasonen 1949, 73]). Здесь же пришедшим раздавали носовые платки и нитки (по три). В настоящее время трапезу на могиле не устраивают, а нитки (льняные) и носовые платки раздают только один раз дома после похорон. По этому вопросу у местных жителей еще в 1990-х гг. был конфликт с местными православным священниками, запрещавшими раздавать на поминках нитки и вещи, объясняя это тем, что нитки используют для наведения порчи. Местные жители применяют их как лечебное средство (нитки повязывают на больное место), но могут, по мнению информантов, использовать и в иных целях. Так, в случае пропажи вещей следует повязать на руку суровую нитку, тогда вор не может воспользоваться украденной вещью, его душа теряет покой. По длине нитей гадают: если все три нити окажутся одной длины, то следует ждать смерти в роду (в Саперкине полагают, наоборот, что в этом случае все будет хорошо) (Зап. от П. П. Ятманкиной, Н. Ф. Васильева) [АПМЯ 1999].

Перед уходом с кладбища все присутствующие должны три раза обойти могилу против хода солнца, что соответствует языческому обычаю [Paasonen 1949, 73]. Но этот обычай соблюдается не везде: в Самсоновке он исчез еще в 1990-е гг., в других селениях (например, п. Зеленый), позже (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

Ряд обязательных предписаний существует для участников обряда при их возвращении с кладбища: нельзя оборачиваться — может случиться еще смерть (этот запрет зафиксирован Х. Паасоненом [Paasonen 1949, 73]), задерживаться на кладбище — также к смерти. Возвращающихся с кладбища во дворе дома покойного встречают трое: двое помогают мыть руки, а третий раздает суровые нитки, если это не было сделано раньше (в Самсоновке это происходит дома). Руки моют специально подогретой для этого водой. Информанты объясняют этот обычай тем, что на кладбище руки пачкаются, поэтому их нужно помыть; представлений о «ритуальной нечистоте» не сохранилось. Воду льют особенным образом, выворачивая руку с ковшом наружу. У всех моющих руки принято спрашивать: «*Ста*

карър?» («Куда ходили?») или: «*Мён ёслесе килтёр?*» («Что делали?»). Те отвечают: «*Харам ёс туса килтёмёр*» или: «*Ёс сукран ёс*», то есть бесполезно время провели (Зап. от А. А. Мельниковой) [АПМЯ 1999]. Этот ритуал был описан Х. Паасоненом с характерной концовкой диалога: «...*эз'эг харата кайдэр!*» («Пусть ваша работа будет бесполезной!») [Paasonen 1949, 73–74]. Обычай устойчиво сохраняется и сегодня, как и толкования: так, особенность литья воды из ковша объясняют тем, что с этого дня «жизнь у покойного началась в обратную сторону» (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

В Малом Микушкине еще до 1970-х гг. в день похорон топили баню, и все возвращающиеся с кладбища мылись в ней, причем в определенном порядке: если хоронили женщину, то первыми в баню шли женщины, если мужчину — то мужчины; при этом использовали куски мыла, оставшиеся после обмывания покойного. При топке бани сжигали щепки от досок и бревен, оставшиеся от гроба и крестов. В 1990-х гг. обычай почти исчез: бани топили редко, а если и топили, то в них мылись только близкие родственники покойного. В настоящее время баню топят и в ней моются родственники, но по желанию (Зап. от П. П. Ятманкиной) [АПМЯ 1999]; (Зап. от А. С. Сидоровой) [АПМИ]. Таким образом, ритуал очищения в бане из обязательного превратился в возможный, демонстрируя отход от норм традиционного обряда похорон.

Другим существенным отличием современного обряда от традиционного стало отсутствие ритуала *хывни*, во время которого все присутствующие поочередно крошили в общую миску еду и отливали напитки в отдельный сосуд; всё, собранное таким образом, затем выносили за пределы двора и выбрасывали. Этот ритуал, многократно описанный разными исследователями (см., например: [Мессарош 2000, 183; Салмин 2007, 319; Paasonen 1949, 74]) и достаточно устойчиво бытующий среди некрещеных чувашей [Ягафова 2007 а, 63 и др.], среди исаклинских чувашей сегодня не встречается.

Поминки, включая поминальные обряды в рамках обрядового календаря

Поминки — завершающая часть похоронно-поминального цикла. Первыми

за поминальный стол садятся мужчины. Их угощают, в том числе спиртным, хотя и в ограниченном объеме. Спиртное в большинстве селений считается обязательным, но в Малом Микушкине этот обычай получил негативную оценку информантов со следующим объяснением: по количеству выпитых за упокой души рюмок спиртного в тело покойного забивают гвозди. Но в целом на похоронах и поминках употребляют много спиртного: им угощают плотников, изготовивших крест и гроб, людей, вырывших могилу, и т. д. Вместе с угощением похороны вынуждают семью и родственников покойного к большим расходам. Если на похороны и поминки собираются 30–50 человек, то за стол садятся в два или три захода. В последние годы крепкие напитки часто заменяются церковным вином — кагором, употребление которого не возбраняется верующими: им угощают не только мужчин, но и женщин. При завершении трапезы обычно говорят: «*Turǎ sana ырǎ вырǎн патǎр, сана Турǎ йышǎнтǎр!*» («Пусть тебе Бог даст хорошее место, пусть тебя Бог примет!») (Зап. от П. П. Ятманкиной) [АПМЯ 1999]; (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

Поминальный стол стараются накрыть разнообразными угощениями, но обязательными являются блины, пироги, супы (гороховый или капустный), мед, рис с изюмом (кутья), напитки — компот, пиво *сǎра*, сладкий медовый щербет. При этом из числа обязательных блюд поминальной тризны исчезли блюда из мяса жертвенных петуха и овцы [Raasonen 1949, 75]. Во время трапезы соблюдается последовательность принятия пищи: сначала хозяева всех обносят щербетом, потом полагаются съесть кутью, блины с медом. Необходимо попробовать хоть в небольшом количестве все блюда, тем самым оказывая уважение к усопшему. Во время поста или в постные дни (понедельник, среда, пятница) готовят только постную еду (Зап. от М. Д. Разеевой) [АПМЯ 1999]; (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

В доме покойного на протяжении 40 дней после смерти на столе стоят хлеб с водой (чтобы накормить и напоить душу покойного), горит лампада или свечи (чтобы освещать усопшему путь на том свете), а около входной двери висит полотенце, которым, по поверью, душа покойного вытрется, покидая дом на 40-й день (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

Поминают покойного на 3, 9, 20, 40-й дни, полгода, год и ежегодно до трех лет. Третий день обычно совпадает с похоронами. Из поминальных дней исчезли седьмой день (*сиччѐи*), обычай еженедельных поминок вечером с пятницы на субботу («*ernekun šmat-kaš azenni*»), продолжавшихся до установления намогильного столба, а также обряд установления столба *юпа* с соответствующими ритуалами³ [Raasonen 1949, 75–79]. По настоянию священнослужителей чуваши перестали устраивать общественные поминки на 20-й день, ограничиваясь только трапезой в кругу семьи. Если день поминок приходится на постный день, то их проводят на день раньше. Участникам поминальных обрядов принято дарить подарки «от имени покойного»: полотенца, посуду, всевозможную утварь по выбору близких родственников; их готовят заранее (ритуал описан также Х. Паасоненом [Raasonen 1949, 81]). Принято также раздаривать вещи покойного. Но и приходящие несут в дом усопшего в качестве помощи продукты питания: крупы, яйца, конфеты, печенья, муку (Зап. от П. П. Ятманкиной) [АПМЯ 1999]; (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

Наиболее важными считаются поминки на 40-й день. В этот день по окончании поминок «провожают душу» покойного. Местные чуваше полагают, что до 40-го дня душа умершего еще пребывает на этом свете и его земные дела рассматривают на Божьем суде и определяют, какой участи он заслуживает: ада или рая? На 40-й день душа усопшего прощается с домом и родными, так как ему уже определено место в ином мире. Поминки сорокового дня

³ Обряд установления столба *юпа* известен у некрещеных чувашей; традиционно проводился в месяц *юпа* (октябрь), когда на могилах покойников, умерших в течение года (после предыдущего обряда *юпа*), устанавливали деревянные или каменные надгробия в дополнение ко временным резным дощечкам — *салам калǎкѐ* (лопаткам приветствия) или *чѐре калакѐ* (сердечным лопаткам), устанавливаемым на могиле покойного во время похорон. Установление столба *юпа* сопровождалось ритуальными действиями на кладбище и в доме покойного, в том числе жертвоприношением барана, поминальной трапезой.

Юпа — надгробный столб на языческом кладбище с. Новое Якушкино Иса克林ского р-на Самарской обл. Фото Е. А. Ягафовой. 1999 г.

"Yupa" the graveside pillar at the pagan cemetery of Novoe Yakushkino village, Isakly district, Samara region. Photo by E. A. Yagafova. 1999

в определенной степени могут быть сопоставлены с обрядом *юпа*. На этих поминках на стол кладут в два раза больше ложек — для покойных, которые, по поверью, приходят в этот день забрать душу покойного (Зап. от З. А. Горбуновой) [АПМИ].

В Саперкине душу покойного провожают на улице. Для этого все выходят с зажженными свечами на улицу (*асатма тухащё*) и стоят некоторое время лицом к кладбищу, прощаясь с покойным. Это происходит днем, а перед этим участники обряда сидят всю ночь в доме покойного (*сёр чёртни*), а под утро поминают. В Большом Микушкине душу провожают на 40-й день после 16.00. Для этого выходят в ближайший от дома переулочек в сторону кладбища с угощениями (пиво, выпечка) [АПМЯ 2016]. В других селениях (п. Зеленый и др.) соблюдают только обычай ночного бдения. Возможно, что эта традиция связана с представлением, бытующим в ряде селений: душа покойного покидает дом в ночь с 39-го на 40-й день (Малое Микушкино). Поэтому в некоторых селениях, например в Самсоновке, поминают на 39-й

день, а на следующий день душу покойного «присоединяют» (*хутайштарашё*) к другим покойным родственникам. Указанные элементы «проводов души» являются реликтами обряда *юпа* [Raasonen 1949, 79].

В с. Новое Якушкино языческие традиции выражены еще ярче, поскольку в селеении до 1980-х гг. проживали некрещенные чуваша. Там также сохраняется обычай провожать душу покойного после обеда словами: «*Кай, урэх хяратса ан сўре*» («Уходи, не пугай нас»). При этом в доме зажигают 40 свечей (Зап. от Ю. В. Кириллиной) [АПМЯ 1999].

В течение года четыре раза проводят поминки *ваттисен кунё*: весной в субботу перед Масленицей (*асла çаварни*) и на пасхальной неделе — в субботу или воскресенье (*кёсён каләм*), или во вторник после Пасхи, в начале лета в субботу перед Троицей и осенью перед праздником Казанской Божией Матери (4 ноября). При этом *симёк* отмечают отдельно в четверг перед Троицей как праздник, не поминая покойных, хотя в начале XX в. он был поминальным днем [Raasonen 1949, 82–83].

Накануне поминальных дней варят пиво *сара*, а в день поминок с утра пекут блины, перед этим обязательно зажигают свечу. На осенние поминки закалывают барана, хотя, по данным Х. Паасонена, было принято резать одного-трех петухов [Raasonen 1949, 83].

Особый ритуал *сурта куне* (дословно: «день свечи») проводится на второй день Пасхи, в понедельник: участники обряда ходят по домам, проводят моления и застолья с песнями (Зап. от В. М. Мишуткина, Е. С. Туркиной) [АПМЯ 1999]. Его можно рассматривать как реликт языческого поминального обряда, до настоящего время проводимого некрещеными чувашами на второй день недели *мункун* (соответствует пасхальной неделе, но начинается со среды Страстной недели); он описан также Х. Паасоненом [Raasonen 1949, 81–82]. Но при этом для православных иса克林ских чувашей он не является поминальным днем.

В Новом Якушкине осеннее поминовение предков называют *хуплу кас* (дословно «вечер хуплу»; *хуплу* — закрытый пирог с начинкой из мяса, крупы, картофеля) и проводят в течение трех дней с 4 по 7 ноября. Поскольку первый день совпадает с престольным праздником села — Днем

Казанской Божией Матери, то поминки, скорее, напоминают застолье. *Хуплу* — центральное блюдо праздника-поминок готовят на 7 ноября, когда «провожают» праздник и принимают гостей — ближайших родственников, которые также приносят с собой угощения: яйца, блины, конфеты и т. д. (Зап. от Ю. В. Кириллиной, Е. С. Туркиной) [АПМЯ 1999]. Это порядок соответствует описанному Х. Паасоненом обычаю («am vierten Tage nach dem Kirchlichen Feiertag»), хотя в качестве ритуального блюда ученый указывает пирог из яиц (Eierkuchen), в то время как *хуплу* упоминает в связи с завершающей трапезой обряда *юпа* [Paasonen 1949, 81, 83].

Собранный и структурированный материал по похоронно-поминальной обрядности чувашей бассейна р. Сок позволяет сделать следующие выводы:

1. В основе обрядности лежат традиционные для чувашей представления о смерти как переходе души человека в иной мир; система ритуалов обеспечивала надлежащие «проводы» умершего и приобщение его к ранее умершим родственникам, пребывание души в ином мире.

2. В обрядности содержится существенный пласт языческих элементов, таких, как «омывание» души после смерти в воде, правила обмывания и обряжения тела покойного, рытья могилы, выноса гроба, прощания с покойным, порядок шествия похоронной процессии, раздача суровых ниток и подарков, ритуал встречи участников обряда с кладбища и «проводов души» на сороковой день, названия ритуалов (*хуплу каç* и др.), вербальные формулы и др. Языческая традиция очевидна в представлениях о магии предметов, используемых в ритуалах. Вместе

с тем, ряд поминальных ритуалов (*çимёк*, *çурта кун*) трансформировался под влиянием православных традиций, сохранившись как часть календарной обрядности, но утратив связь с поминальной обрядностью. В ряде случаев отход от нормы связан либо с утратой представлений о производимых действиях (например, сюжет с баней), либо с отказом от действий (покупка гроба, креста).

3. Влияние православных норм в похоронно-поминальных обычаях местных чувашей проявляется в участии священнослужителя в ряде ритуалов, в присутствии христианских атрибутов погребения (крест, венчик и др.), в чтении Псалтири, в поминальной еде (в том числе и в соблюдении поста) и др. Распространение православной традиции и вытеснение ею языческих элементов наблюдается в течение последних десятилетий, что связано, вероятно, с возросшей ролью РПЦ в жизни российского общества в этот период. Однако попытки православных священников насильно вывести из практики некоторые чувашские обычаи оборачиваются для них конфликтом с паствой и недовольством последней вмешательством церковнослужителей в ее религиозную жизнь.

4. Изменения в укладе жизни в XX — начале XXI в., в том числе и жителей небольших сел, вызванные техническим прогрессом и социально-экономическими преобразованиями в обществе, естественным образом повлияли на похоронно-поминальную обрядность: сместились сроки поминальных ритуалов (например, поминовение на Троицу), меняется обрядовая атрибутика, религиозные представления и религиозный опыт участников обрядов.

Литература

Геннеп 1999 — Геннеп ван А. Обряды перехода. М., 1999.

Георги 1795 — Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1. СПб., 1795.

Данилов, Данилова 2016 — Данилов А. А., Данилова М. Г. История создания труда Хейкки Паасонена «Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen» (Обычаи и народная поэзия чувашей, Хельсинки, 1949) // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 37–41.

Денисов 1959 — Денисов П. В. Религиозные верования чувашей: Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959.

Симбирско-саратовские чуваша 2004 — Симбирско-саратовские чуваша / Под общ. ред. М. Г. Кондратьева. Чебоксары, 2004.

Каховский 1978 — Каховский Б. В. Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные и этнические процессы в Чувашской АССР: Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1978. С. 118–146.

Каховский 1979 — Каховский В. Ф. Дохристианский погребальный культ чувашского населения: Дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 1979.

Комиссаров 1911 — *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXVII. Вып. 5. Казань, 1911. С. 311–421.

Магницкий 1881 — *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры: собраны в некоторых местностях в Казанской губернии Магницким, членом-сотрудником Казанского общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1881.

Месарош 2000 — *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000.

Михайлов 1972 — *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972.

Никольский 1919 — *Никольский В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1919.

Отчет 1908 — Отчет Самарского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1907 год // Самарские епархиальные ведомости. 1908. № 14. С. 3–4.

Паллас 1773 — *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., 1773.

Прокопьев 1903 — *Прокопьев К.П.* Похороны и поминки у чуваш. Казань, 1903.

Руденко 1910 — *Руденко С.И.* Чувашские надгробные памятники // Матер. по этнографии России. Т. I. СПб., 1910. С. 81–88.

Салмин 1994 — *Салмин А.К.* Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994.

Салмин 2007 — *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб., 2007.

Сбоев 2004 — *Сбоев В.А.* Заметки о чувашах: Исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары, 2004.

Скворцов 1905 — *Скворцов В.* Очерк христианского просвещения чуваш в приходе села Ново-Якушкина, Бугурусланского уезда (к 40-летию прихода) // Самарские епархиальные ведомости. 1905. № 3. С. 57–63; № 5. С. 157–163; № 7. С. 211–219.

Токарев 1983 — *Токарев С.А.* Община и семья // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. М., 1983. С. 194–202.

Фукс 1840 — *Фукс А.А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.

Чуваши Присвияжья 2015 — Чуваши Присвияжья: история и культура / Под ред. В.П. Иванова, Г.Б. Матвеева. Чебоксары, 2015.

Ягафова 1998 — *Ягафова Е.А.* Самарские чувашы (историко-этнографические очерки): Конец XVII — начало XX в. Самара, 1998.

Ягафова 2007a — *Ягафова Е.А.* Чувашское «язычество» в XVIII — начале XXI века. Самара, 2007.

Ягафова 2007b — *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII — начало XX в.). Чебоксары, 2007.

Paasonen 1949 — *Paasonen H.* Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen gesamt von Heikki Paasonen, herausgeben von Eino Karanka und Martti Rässanen. Helsinki, 1949.

Сокращения

АПМИ — Архив полевых материалов А.И. Ивановой, 2016 г., Самарская обл., Иса克林ский р-н, п. Зеленый (зап. от З.А. Горбуновой, 1939 г. р., урж. п. Красный Берег. совр. Иса克林ского р-на Самарской обл., А.С. Сидоровой, 1948 г. р., урж. того же п. Зеленый)

АПМЯ 1999 — Архив полевых материалов Е.А. Ягафовой, 1999 г., Самарская обл., Иса克林ский р-н, сс. Новое Якушкино (зап. от Ю.В. Кириллиной, 1938 г. р., А.И. Давыдовой, 1928 г. р., В.М. Мишуткина, 1920 г. р., Е.С. Туркиной, 1918 г. р., все урж. того же села), Большое Микушкино (зап. от М.Д. Разеевой, 1936 г. р., урж. того же села, Н.М. Савельевой, 1964 г. р., урж. того же села), Малое Микушкино (зап. от П.П. Ятманкиной, 1930 г. р., урж. того же села), Саперкино (зап. от Н.Ф. Васильева, 1928 г. р., урж. того же села, О.И. Васильевой, 1925 г. р., урж. д. Новое Ганькино совр. Иса克林ского р-на), Самсоновка (зап. от А.А. Мельниковой, 1919 г. р., урж. с. Старое Якушкино совр. Сергиевского р-на Самарской обл.)

АПМЯ 2016 — Архив полевых материалов Е.А. Ягафовой, 2016 г., г. Самара (зап. от Ивановой В.П., 1951 г. р., урж. с. Большое Микушкино Иса克林ского р-на Самарской обл.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ягафова Е.А. — доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета: Российская Федерация, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 59; тел.: +7 (846) 207-44-22; e-mail: yagafova@yandex.ru

Иванова А.И. — студентка факультета культуры и искусства Самарского государственного социально-педагогического университета: Российская Федерация, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 59; тел.: +7 (846) 207-44-22; e-mail: lulu419@yandex.ru

FUNERAL AND COMMEMORATIVE CUSTOMS AND RITUALS OF THE CHUVASHS IN SAMARA TRANS-VOLGA REGION (SOK THE RIVER'S BASIN): TRADITION AND NOWADAYS

EKATERINA YAGAFOVA, ANNA IVANOVA

(Samara State University of Social Sciences and Education: 59, Gor'kogo str., Samara, 443099, Russian Federation)

Summary. *The article describes features of contemporary funeral and commemorative rituals of the Chuvashs in Samara Trans-Volga region (Sok the river's basin). The relevance of the research is due to the fact, that in Chuvash ethnology up to date there has been no systematic detailed study of funeral and commemorative complexes, which are of interest both from the point of view of preserving their traditional, so-called "pagan" beliefs and rituals, as well as characteristics of contemporary religious Chuvash practices. The article reveals the elements of pagan worship; it shows the influence of Orthodox traditions on forming structure and content of the ceremonies. Pagan tradition is evident at all stages of preparing the dead for the burial, in funeral rituals, in perception of the death and of the magic items used in rituals. The departure from the norms is due to either the loss of understanding of the actions performed or intentional refusal of the actions. The influence of the Orthodox norms is manifested in a priest's participation in a number of rituals with the attributes of a Christian burial, in reading the Psalter and prayers, in memorial food. Changes in the way of life of the local Chuvashs in the 20th — beginning of the 21st century caused by the technological progress and social and economic transformations in society influenced funeral and commemorative rituals, namely commemorative ritual date shift, ceremonial attributes, the depth of religious beliefs and religious experience of the ceremony participants.*

Key words: *the Chuvash, funeral and commemorative ritualism, ritual.*

References

- Danilov A. A., Danilova M. G.** (2016) *Istoriya sozdaniya truda Kheykki Paasonena "Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen"* (Obychai i narodnaya poeziya chuvashy, Heł'sinki, 1949) [History of creation of Heikki Paasonen's work "Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen" <Rituals and folk poetry of the Chuvashs>]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Herald of Chuvash University]. 2016. No. 2. Pp. 37–41. In Russian.
- Denisov P. V.** (1959) *Religioznye verovaniya chuvashy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Religious convictions of the Chuvashs. historical-ethnographical essays]. Cheboksary. In Russian.
- Fuks A. A.** (1840) *Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoy gubernii* [Notes on the Chuvash and the Cheremiss <Mari people> of Kazan' province]. Kazan'. In Russian.
- Gennep van A.** (1999) *Obyady perekhoda* [The rites of passage]. Transl. from English. Moscow. In Russian.
- Georgi I. G.** (1795) *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov, ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey* [Description of all peoples, residing at the Russian state, their worldly rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, entertainments, confessions and other peculiarities]. Part 1. St. Petersburg. In Russian.
- Ivanov V. P., Matveev G. B.** (eds.) (2015) *Chuvashi Prisiviyazh'ya: istoriya i kul'tura* [Chuvashs of Trans-Sviyaga: history and culture]. Cheboksary. In Russian.
- Yagafova E. A.** (1998) *Samarskie chuvashi (istoriko-etnograficheskie ocherki): Konets XVII — nachalo XX v.* [Samara Chuvashs (historical-ethnographical essays): the end of the 17th — the beginning of the 20th century]. Samara. In Russian.
- Yagafova E. A.** (2007) *Chuvashskoe «yazychestvo» v XVIII — nachale XXI veka* [Chuvash "paganism" in the 18th — the beginning of the 21st century]. Samara. In Russian.
- Yagafova E. A.** (2007) *Chuvashi Uralo-Povolzh'ya: istoriya i traditsionnaya kul'tura etnoterritorial'nykh grupp (XVII — nachalo XX v.)* [Chuvashs of the Urals and Volga the river's basin: history and traditional culture of ethno-regional groups (the 17th — the beginning of the 20th century)]. Cheboksary. In Russian.
- Kakhovskiy B. V.** (1978) *Pogrebal'nyy obryad chuvashskogo yazycheskogo naseleniya* [Funeral

ritual of the Chuvash pagan population]. *Sovremennye i etnicheskie protsessy v Chuvashskoy ASSR* [Contemporary and ethnic processes in Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic]. Coll. papers of the Chuvash Research Institute. Cheboksary. Pp. 118–146. In Russian.

Kakhovskiy V. F. (1979) Dokhristianskiy pogrebal'nyy kul't chuvashskogo naseleniya [Pre-Christian funeral cult among the Chuvash population]. PhD thesis (History). Cheboksary. In Russian.

Komissarov G. I. (1911) Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya [The Chuvashs of Kazan' Trans-Volga]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* [Bulletin of the Society for archeology, history and ethnography of the Emperor Kazan' University]. Vol. XXVII. Issue 5. Kazan'. 1911. Pp. 311–421. In Russian.

Kondrat'ev M. G. (ed.) (2004) Simbirsko-Saratovskie chuvashi [Simbirsk and Saratov Chuvashs]. Cheboksary. In Russian.

Magnitskiy V. K. (1881) Materialy k ob'yasneniyu staroy chuvashskoy very: sobrany v nekotorykh mestnostyakh v Kazanskoy gubernii Magnitskim, chlenom-sotrudnikom Kazanskogo obshchestva arkheologii, istorii i etnografii [Materials for explanation of the old Chuvash confession, recorded at some localities of Kazan' province by Magnitskiy, a member-fellow of the Kazan' Society for archeology, history and ethnography]. Kazan'. In Russian.

Mesarosh D. (2000) Pamyatniki staroy chuvashskoy very [Monuments of the old Chuvash confession]. Cheboksary. In Russian.

Mikhaylov S. M. (1972) Trudy po etnografii i istorii russkogo, chuvashskogo i mariyskogo narodov [Studies on ethnography and history of the Russian, the Chuvash and the Mari people]. Cheboksary. In Russian.

Nikol'skiy V. (1919) Kratkiy konspekt po etnografii chuvash [Brief abstract of ethnography of the Chuvashs]. Kazan'. In Russian.

Otchet Samarskogo eparkhial'nogo komiteta Pravoslavnogo missionskogo obshchestva za 1907 god [Report of Samara eparchial committee

of the Orthodox Missionary society from 1907] (1908). *Samarskie eparkhial'nye vedomosti* [Samara Eparchial Bulletin]. 1908. No. 14. Pp. 3–4. In Russian.

Paasonen H. (1949) Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen gesamt von Heikki Paasonen, herausgegeben von Eino Karanka und Martti Rässanen. Helsinki. In German.

Pallas P. S. (1773) Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii [Journey along different provinces of the Russian Empire]. Part I. St. Petersburg. In Russian.

Prokop'ev K. P. (1903) Pokhorony i pominki u Chuvash [Funeral and commemoration among the Chuvashs]. Kazan'. In Russian.

Rudenko S. I. (1910) Chuvashskie nadgrobnye pamyatniki [Chuvash tomb monuments]. *Materialy po etnografii Rossii* [Materials on ethnography of Russia]. Vol. I. St. Petersburg. Pp. 81–88. In Russian.

Salmin A. K. (1994) Narodnaya obryadnost' chuvashy [Folk ceremonials among the Chuvashs]. Cheboksary. In Russian.

Salmin A. K. (2007) Sistema religii chuvashy [Religious system of the Chuvashs]. St. Petersburg. In Russian.

Sboev V. A. (2004) Zametki o chuvashakh: Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoy gubernii [Notes about the Chuvashs: Studies on minorities of Kazan' province]. Cheboksary. In Russian.

Skvortsov V. (1905) Ocherk khristianskogo prosveshcheniya chuvash v prikhode sela Novo-Yakushkina, Buguruslanskogo uезда (k 40-letiyu prikhoda) [Essay on Christian enlightenment of the Chuvashs in the parish of Novo-Yakushkino village of Buguruslan county (to the 40th anniversary of the parish)]. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti* [Samara Eparchial Bulletin]. 1905. No. 3. Pp. 57–63; No. 5. Pp. 157–163; No. 7. Pp. 211–219. In Russian.

Tokarev S. A. (1983) Obshchina i sem'ya [Community and family]. *Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy* [Calendar customs and rituals in the countries of the foreign Europe]. Moscow. Pp. 194–202. In Russian.

ABOUT THE AUTHORS

Yagafova E.: e-mail: yagafova@yandex.ru

Tel.: +7 (846) 207-44-22

59, Gor'kogo str., Samara, 443099, Russian Federation

Full Professor (History), head of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State University of Social Sciences and Education

Ivanova A.: e-mail: lulu419@yandex.ru

Tel. +7 (846) 207-44-22

59, Gor'kogo str., Samara, 443099, Russian Federation

Student, faculty of culture and arts, Samara State University of Social Sciences and Education
